

Соблюдай дистанцию!

Когда сочная бас-гитара Анатолия Куликова звучит в «Прощании с рок-н-роллом», всякий раз ощущение полета от мастерской игры прерывает предательская мысль о символичности названия его собственной композиции. С роком Толик по большому счету действительно распрощался, поменяв его на работу у Аллы Пугачевой.

А когда-то продвинутый пикировал валом, чтобы послушать и поглазеть на него самого, а не только на Алексея Козлова, чей «Арсенал» в конце семидесятых занимал высшие строчки негласных эстетских рейтингов.

Вжавшись в жесткое истрепанное кресло в ДК «Москворечье», я наблюдал за этим слегка сутулившимся длинноволосым человеком, буквально колдовавшим над своим инструментом. Вкрадчивые, как вечерняя тень, и мягкие, как детская игрушка, звуки обволакивали затаивших дыхание меломанов, заставляя их бешено аплодировать.

После «Арсенала» был «Квадро» — еще один джаз-роковый коллектив, возглавляемый отколовшимся от Алексея клавишником Вячеславом Горским. Бывало, «Квадро» собирал стадионы, но мода на такую музыку относительно быстро прошла. А в середине девяностых зарабатывать с таким репертуаром стало и вовсе не просто. Толик ушел гораздо раньше.

Теперь уже занесенного в антологию джаза седого как лунь Куликова можно увидеть на концертах «женщины, которая поет». Если посмотреть перформанс по телевизору, то бас-гитарист иногда попадает в кадр, лукаво кося в сторону сбившегося с курса «Бетакама».

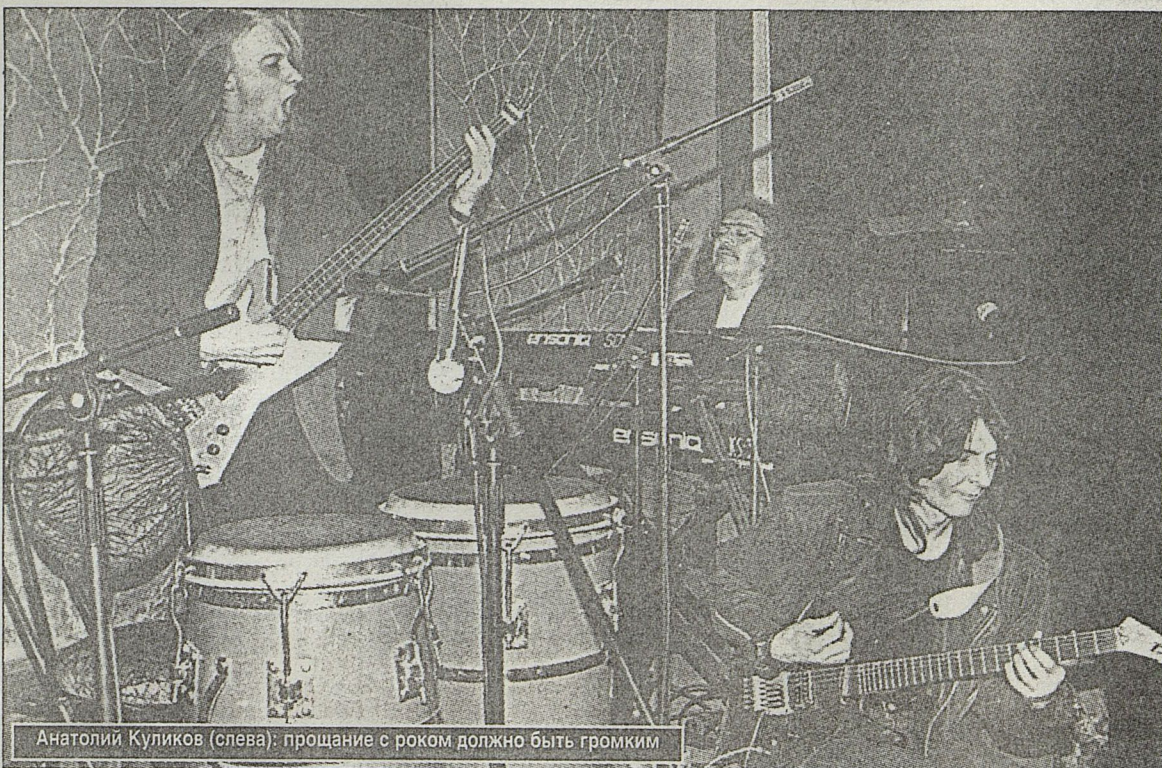
«Жалею ли я о том, что когда-то откликнулся на предложение Александра Юдова из «Рецитала»? — смотрит Толик на меня с прищуром старого музыкального волка, утопая в большом зеленом кресле. — Нет, нет и еще раз нет. Хотя по началу отход от джаз-рока переживал очень тяжело. Но и у Пугачевой я занимаюсь своей любимой работой и при этом имею возможность содержать семью. А по большому счету, что бы ты ни играл, если делаешь это часто, всегда тяжело. А у Аллы в среднем 50–60 концертов в год».

Пугачева своих музыкантов не обижает, но держит дистанцию. «За тринадцать лет работы она сократилась?» — «Пугачева — это как солнце. Далеко от него холодно. Близко — можно сгореть. Но очень хочется погреться», — отвечает Толик давно заготовленной фразой, потому что ему слишком часто задают этот вопрос.

В попсовой тени

Вадим Пересветов

Имена Анатолия Куликова, Сергея Николаева и Алексея Лебедева знает весь музыкальный мир. Их работа пользуется устойчивым спросом и очень недурно оплачивается. Только однажды всем троим, каждому в свое время, пришлось сделать выбор: продолжать реализовывать свое творческое начало, питаясь святым духом, или играть по чужим нотам в сопровождающих составах поп-звезд первой величины за хорошие гонорары. Жалуют ли они об этом? Особенно слыша брошенное завистниками в спину обидное и незаслуженное: «Ну, эти-то джаз-рок уже точно играть разучились».

Анатолий Куликов (слева): прощание с роком должно быть громким

Фигура большого размаха

Сергей Николаев временами играл джаз-рок в том же «Квадро», но до этого все основные университеты закончил с Владимиром Мигулей, а еще раньше — с группой «Гуниб» Махачкалинской филармонии. После восьмого пива любит повспоминать, как ночевали в директорской «Волге» и ели...

голубей, когда задерживали или вовсе не выплачивали зарплату.

Были и собственный проект с красивым русским названием «Родмир» и с чистейшим глэм-роком, как у Def Leppard, несостоявшиеся гастролы по Австралии и бесконечная беготня по радиостанциям, где в неподкрепленных материальными заверениями переговорах часто используется магическое и всеобъемлющее слово «неформат». И по ночным клубам, в большинстве которых в качестве арт-директоров засела юная поросль, ориентирующаяся только в своем собственном так называемом творчестве, или длинноногие девочки, совсем не имеющие пред-

ставления о том, чем же они должны заниматься на самом деле.

У Киркорова Николаев с начала 90-х. Чтобы работать у Филиппа, надо быть не только хорошим музыкантом, но и очень выносливым человеком. В среднем у него около 60 концертов в год, но бывают и беспрецедентные случаи, например 31 концерт подряд в Санкт-Петербурге.

«Если сказать честно, то я перед Филиппом просто преклоняюсь. Бешеная работоспособность! — говорит Николаев. — Бывает так, что мы уже все падаем от усталости, а он еще участвует в съемках, дает интервью. Потом, мне нравятся его подход к делу, его хваткость как исполнителя и продюсера собственного проекта. Он очень тонко чувствует, что нужно на данный момент, совершенно не боясь экспериментировать. Так же хорошо он слышит музыку, знает каждый инструмент своего бэнда. Если, не дай бог, кто-нибудь лажается, незамеченным не пройдет. В общем, Филипп фигура большого размаха». — «Ну, а если что-то не так, наорать может?» —

пытаюсь разрушить я слишком положительный портрет. «Фыркнуть — да, наорать — нет. Быстро отходит. Панибратских отношений у нас не существует. Общаются все только на «вы». — «А чего там лажать-то? Играете одно и то же...» — «Да, но бывает так, что на концерте Филипп неожиданно возьмет да и решит спеть песню, которую не исполнил целый год. И тут уже начи-

нает работать мышечная память». Среди собратьев по цеху Николаев считается надежным басистом, то есть любую музыку всегда сыграет как надо. В свободное от гастролей время, так же как и Анатолий Куликов, Николаев занят собственным проектом со старым названием «Родмир», но с новым содержанием. Парадоксально, но тот и другой в большей степени стали писать песни, нежели инструментальную музыку.

Сделайте мне модно

Леха Лебедев жил в доме на пыльной московской улице в однокомнатной квартире. За продан-

ную любителям подышать выхлопными газами хазу выручил денег аккуратно на «двушку» на Кипре и подальше с любимой девушкой и по совместительству клавишницей в местные рестораны за стабильным островным фунтом. Время от времени приезжал в Россию сдавать в Гнесинке экзамены и в один из наездов в середине девяностых зацепился за тот же «Квадро», получив кличку российского Патитутчи за недюжинные способности в игре на безладовом басу.

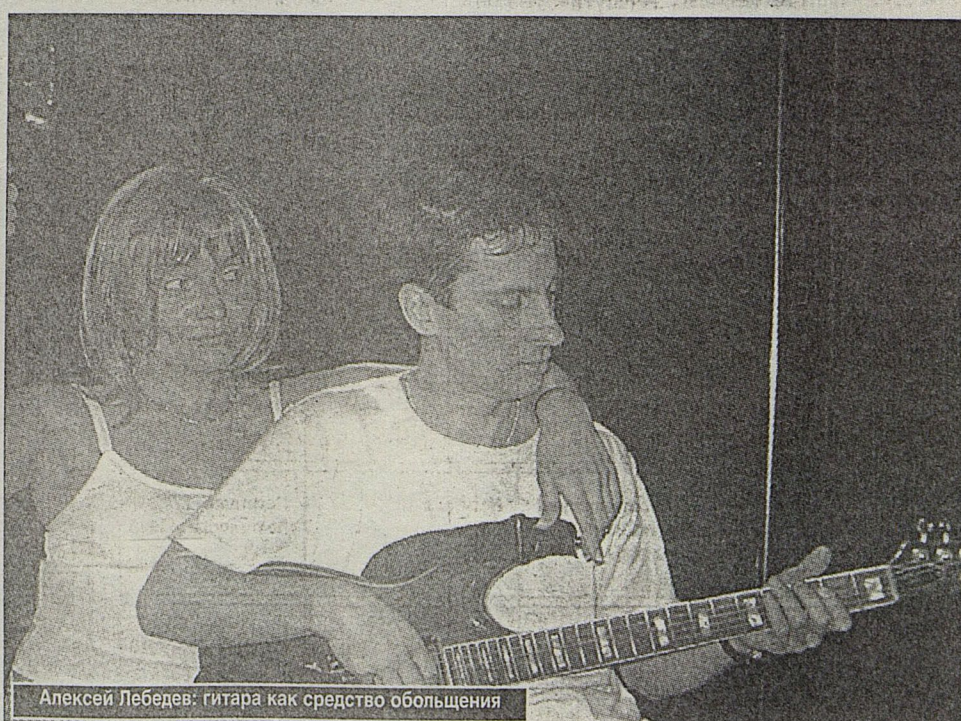
К появившемуся на музыкальном поле новому игроку пристально присмотрелись. Первым, кто понял, что парня надо быстро брать в оборот, был Валера Сюткин. Две недели он самолично звонил Лебедеву, уговаривая прийти в коллектив и описывая финансовые перспективы, потом «радиостанция ночных дорог» помог ему с инструментом, деньги за который Леха со временем честно вернул. А после печально знаменитого «черного вторника» Сюткин распустил музыкантов, уведомив их о безграничной творческой свободе через своего директора.

Концептуально поцумкавший у Валеры три года и за это время ставший похожим на него даже внешне, Леха ровно столько же лет играет у Сергея Пенкина. «С Сергеем работать легко. В творческий процесс он абсолютно не вмешивается. Пенкин любит посещать модные дискотеки, после чего, наслушавшись разных наворотов, приходит и говорит: «Ребята, сделайте мне вот так же». Если мы ему объясняем, что это невозможно в силу определенных причин, он тут же соглашается и просит сделать максимально похожее». В отличие от Сюткина многим своим музыкантам дорогие инструменты Сергей просто подарил. Но они ценят его не только за щедрость, но и за другие редкие человеческие качества, коими в наше время обладают немногие, особенно среди тех, кто добился на сцене ощутимого успеха.

В свободное время Леха все-таки поигрывает джаз-рок и аккуратно после нашей встречи уже собрался паковать чемоданы для поездки в Атланту вместе с группой «Трансатлантик». Деньги абсолютно не портят этого парня, к тому же они нужны не только на жизнь, но и на запись собственных пластинок. В любимый серебристый «Мерс» Леха садится, словно вскакивает на обычный ржавый велик, чтобы прокатиться с приятелями по двору. Единственное, чем похвастался, — черным поясом по карате, да еще глаза вымг загорелись, когда увидел пластинки Скотта Хендерсона и Сэмми Пиральта: «Дай переписать, через два дня верну!» Понятное дело, высокое искусство всегда большая редкость.

Сергей Николаев: «Что это там намоталось?»

Алексей Лебедев: гитара как средство обольщения